

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Переживание ландшафта

В Музее современного искусства PERMM проходит большая выставка пермских художников

Юлия Баталина

PERMM не похож на себя. Более всего он напоминает художественный салон «Арт-Пермь» в его лучшие годы: тут и творчество нынешних «академиков», и работа председателя Пермского отделения Союза художников Равиля Исмагилова, и классики — Александр Репин, Рудольф Тюрин, Анатолий Филимонов, Иван Борисов, — и, само собой, «актуальные молодые», которые на сей раз вовсе не доминируют. Экспозиция «Геопозэтика. Новое искусство Перми» сформирована не по эстетическим критериям, а по содержательным: это не столько, как сказано в заголовке, искусство Перми, сколько искусство о Перми.

Конечно, такое понятие, как «пермскость», трудно поддаётся дефинициям. В официальных словарях и слова-то такого нет. Однако куратор выставки Анна Суворова считает, что ей удалось если не объяснить, то хотя бы почувствовать эту сущность и дать её почувствовать зрителям.

С подробными объяснениями Суворова выступила в рамках «кураторского вечера», который прошёл в музее 19 января. Впрочем, понимание, что такое «пермскость», сформулировала не она, а её сокуратор — профессор ПГНИУ Владимир Абашев. Кураторский вечер начался с его лекции «Между медведем и молотом. Политики пермской идентичности», в которой он развивает свою излюбленную теорию о том, что пермские культурные поиски обусловлены противоречием между древним именем «Пермь» и индустриальным «телом», к которому это имя относится.

По мнению Абашева, «пермское» в первую очередь означает «особенное»: пермяки верят в особенность своего города, и это проявляется в искусстве. В качестве примера профессор привёл скульптуру Алексея Залазаева и живопись Николая Зарубина — оба художника много сил приложили к проявлению «пермскости» и её смыслов.

Что же касается символического противостояния имени города и его материального «тела», то ярче всего оно видно в двух пермских «триумфальных арках» — «Пермских воротах» Николая Полисского и монументе «МиГ на взлёте» у проходных предприятия «Пермские моторы». «Пермские ворота» — это, по выражению Абашева, «дверь в Биарию», а «МиГ на взлёте» — гимн «пламенному мотору» пермской авиационно-космической промышленности.

Ещё одно яркое и символическое выражение двух пермских идентичностей — это два герба: старинный, с медведем, который вернулся в обиход в постсоветские времена, и советский — с мотовилихинским паровым молотом, который был и остаётся важным символом индустриального города. По мнению сокуратора выставки, Перми в сталинские времена неслучайно присвоили имя Молотова. «Города в те годы переименовывали десятками, но этот

случай стал единственным, когда новое имя было мотивировано и совпало с телесностью», — говорит Абашев.

Сюжеты и смыслы лекции Абашева хорошо иллюстрирует экспозиция «Геопозэтики». Правда, здесь больше индустриального, чем архаичного, но двойственность пермской идентичности проявляется в полной мере.

Как пояснила Анна Суворова, два этажа, которые занимает экспозиция, — это два «потока» в современном осмыслении Перми: на первом этаже — глобальное видение ландшафта, на втором — человеческие истории. Правда, логика распределения работ по этим двум «потокам» не вполне ясна: так, часть работ из масштабной серии Максима Каёткина «Месторождение» экспонируется на первом этаже, часть — на втором; там же в «человеческих историях» почему-то оказалась тотальная инсталляция Михаила Павлюкевича и Ольги Субботиной «Экспедиция...». Словом, создаётся впечатление, что размещение работ отчасти продиктовано всё же размерами и конфигурацией помещений, а не кураторскими идеями.

Как уже было сказано, для PERMM подбор работ в этой выставке, мягко говоря, нетипичен. Здесь довольно мало художников, применяющих актуальные художественные приёмы и практики, зато много работ из запасников Пермской государственной художественной галереи, обладающей большой коллекцией живописи и графики XX века, но не имеющей возможности показать её в экспозиции.

Главным героем первого этажа стал молодой художник Алексей Щигалев. Его взгляд на Пермь аналитичен и достаточно жёсток: триптих «Случайная архитектура» назван так совсем не случайно — взгляд художника не эстетизирует пермский городской ландшафт, а подчёркивает его архитектурную неряшливость и визуальную блёклость. При этом речь вовсе не идёт о карикатуре и обличении: при всей трезвости восприятия города Щигалев умудряется высказываться лирично.

Гораздо больший энтузиазм вызывает у него индустриальный пейзаж: в трактовке Щигалева он становится воплощением устойчивости и подлинности, образом «пермского космоса».

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

Фото куратора сквозь призму современного искусства: Владимир Абашев и работа Петра Стабровского «Дорога»

Подобное возвышение индустриальной темы в живописи свойственно и для пермских классиков: рядом с картинами Щигалева расположились работы Александра Репина и Ивана Борисова.

Одной из ярких работ этого раздела выставки является «Месторождение» Максима Каёткина — мощная живописная серия 2015 года, вызывающая в памяти красоту и пафос знаменитого кинофильма «Территория». В очередной раз поражает умение художника создать сильнейшую эмоцию очень скупыми средствами. Невозможно не упомянуть и живопись Игоря Турбина с его умением «перевести» очертания реального пейзажа на язык абстракции.

На втором этаже доминируют работы соавторов Татьяны Нечехиной и Максима Нурулина из серии «Путь на восток» — большая серия, посвящённая поездке по Транссибирской магистрали: здесь и разнообразие заочных пейзажей, и простодушный быт пассажирских купе, поданный с лёгкой и незлой иронией. Если пейзажи дуэт «академиков» создаёт в традиционной живописной технике, то жизнь случайных попутчиков показана посредством текстильных коллажей. По словам Анны Суворовой, это редкий пример нетрадиционной технологии в творчестве лидеров Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

Что же касается самой темы путешествий, то, как иронично замечает куратор, это лейтмотив многих пермских мыслей и разговоров: пермяки всё время мечтают уехать — кто в отпуск, а кто и навсегда. Неудивительно, что в разделе «человеческих историй» «Геопозэтики» появляется «Набор для путешествий» Алекса Этевуда — серия объ-

ектов, которые, по мнению автора, часто берут в дорогу, но никогда не используют.

Роль работ актуальных художников — тех, что обычно определяют эстетику выставок в PERMM, — здесь, скорее, дополнительная. Замечательно дополняет серию Нечехиной — Нурулина известная работа Петра Стабровского «Дорога»: колокольчики из гранёных стаканов с ложечками у каждого зрителя вызывают ассоциацию с «железнодорожным» чаем; работы Елены Слобцовой, разбросанные по обоим этажам, выполняют важную функцию — там и тут напоминают о возможности радикального прочтения темы локальной идентичности.

Если попытаться соотнести выставку с сопровождающей её лекцией Владимира Абашева, то окажется, что пейзажное «тело» здесь существенно доминирует над символическим «именем». Что странно: пермская старина и локальная мифология всегда были важными темами для местного изобразительного искусства. Лишь несколько работ можно трактовать как отражение «пермской хтони», и то лишь при большом желании.

Что же касается эмблематичной для всей экспозиции работы, то это, наверное, объект Александра Жунёва «Своё — чужое: граница». Сетчатая стенка, выложенная мятыми страницами газет и журналов, с одной стороны демонстрирует дотошную аккуратность, с другой — яркую «непричесанность». Точнейшее визуальное воплощение границы между традиционным и актуальным искусством, между авангардом и архаикой, между медведем и молотом.

Выставка «Геопозэтика» демонстрируется в музее PERMM до 29 января.